

ДИСКУРСИВНАЯ СИТУАЦИЯ И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В НАРРАТИВНОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: нарратив; дискурсивная ситуация; референтная ситуация; метанарратив; прагматическая функция.

Аннотация: В тексте как результате осуществления нарративной стратегии манифестируются две ситуации: ситуация дискурсии (повествование) и референтная ситуация (история). Дискурсивная ситуация ориентируется на коммуникативную модель и может иметь эксплицитную или имплицитную репрезентацию. В синтагматике текста дискурсивная ситуация, как правило, варьируется, воздействуя на прагматику восприятия референтной ситуации. В настоящей статье представлены следующие варианты дискурсивной ситуации: личная, безличная, метанарративная и экстранарративная, которые принадлежат экзегетическому плану текста. Рассматриваются коммуникативные модели, языковая репрезентация и прагматические функции дискурсивных ситуаций.

K. R. NOVOZHILOVA

St. Petersburg State University

DISCURSIVE SITUATION AND ITS REPRESENTATION IN NARRATIVE TEXT

Keywords: narrative; discursive situation; reference situation; metanarrative; pragmatic function.

On the text, as a result of the narrative strategy, two situations are manifested: that of discourse (narration) and of reference (history). The discursive situation is guided by the communicative model and can have an explicit or implicit representation. As a rule, in the syntagmatic text the discursive situation varies, influencing the pragmatics of the reference situation perception. In this article the following variants of the discursive situation are presented: personal, impersonal, metanarrative and extra-narrative, all of which belong to the exegetical text plan. Communicative models, language representation and pragmatic functions of discursive situations are considered.

Создание художественного повествовательного текста управляется нарративной стратегией автора. На этапе вербальной манифестации она направлена на сообщение истории — событий сюжета, о которых рассказывает фиктивный нарратор. Ретрансляция в тексте рассказываемых событий и событий самого рассказа, породило понятие двоякой событийности художественного повествования [6, с. 6], идущее от М. М. Бахтина. В синтагматике текста двоякая

событийность экспонирована двумя видами ситуаций: *референтной ситуацией*, которая представляет рассказываемые события, и *дискурсивной ситуацией*, которая принадлежит событию рассказывания. В настоящей статье речь пойдёт о разновидностях дискурсивных ситуаций художественного текста, отражающих фиктивную коммуникацию повествователя и читателя.

Координаты дискурсивной ситуации образуют модель *я-здесь-сейчас* (субъект повествования, место и время его пребывания). Эта ситуация вводит объект коммуникации — историю, которая образует модель *он-там-тогда* (актант, время и место его пребывания). Координаты дискурсивной ситуации могут быть представлены или не представлены в тексте, то есть иметь эксплицитную или имплицитную форму. Эксплицитная форма может экспонировать коммуникативную модель полностью в так называемой метанарративной ситуации (например, *как я уже говорил в первой главе; об этом я расскажу вам в конце истории*) или, что чаще, её редуцировать. Редуцированная модель коммуникативной ситуации имеет место в высказываниях нарратора о событиях, в которых он принимал участие (например, *ich kam, ich sah, ich siegte*), где редуцировано время и место коммуникации, а также в метанарративной ситуации с редуциацией любых координат ситуации, включая и местоимение 1-го лица (например, *wie bekannt; es muss gesagt werden*).

Позиция повествующего Я нарратора относительно истории находит своё выражение в тексте и даёт основание не только для противопоставления *Ich-Erzählung* и *Er-Erzählung* — личного и безличного типов текстов, но и для классификации видов дискурсивной ситуации в синтагматике этих типов текстов. Эта классификация ситуаций фиктивной дискурсии, включает безличный, личный, метанарративный и экстранарративный виды ситуаций, которые будут рассмотрены ниже.

Основным критерием классификации коммуникативных ситуаций является признак эксплицитности/имплицитности говорящего — нарратора. По этому критерию различаются *личное, или субъективированное* повествование с эксплицитным нарратором, и *безличное, или объективированное*, повествование с имплицитным нарратором [4, с. 11].

В повествовании от 3-го лица нарратор имплицитен, то есть имеет «нулевую форму номинации» [4, с. 13] в тексте, текст же формулирует историю — объект повествования, актанты которой

представлены местоимениями 3-го лица. Поскольку безличное повествование в поверхностной структуре текста не мотивировано и выключено из ситуации речи, то история происходит как бы сама по себе, например:

- (1) *Zu Port au Prince, auf dem französischen Anteil der Insel St. Domingo, lebte, zu Anfange dieses Jahrhunderts, als die Schwarzen die Weißen ermordeten, <...> ein fürchterlicher **alter Neger**, namens Congo Hoango. **Dieser** von der Goldküste von Afrika herstammende Mensch, < > war von seinem Herrn, weil **er** ihm einst auf der Überfahrt nach Kuba, das Leben gerettet hatte, mit Wohltaten überhäuft worden (H.v. Kleist. Die Verlobung in St.Domingo. S. 189).*

Личное повествование мотивировано тем, что оно через местоимение первого лица включено в ситуацию речи¹. При этом нарратор в 1-м лице является и субъектом речи, и субъектом действия, поскольку он вовлечён в события либо как участник, либо как очевидец, либо как ретранслятор истории². Рассказывая о себе и своей причастности к передаваемой истории, он существует в двух временных планах — *сейчас* повествования и *тогда* истории:

- (2) *Es mochten ungefähr vierzehn Tage seit **unsrerer** Ankunft verstrichen sein, als **mir** der älteste Sohn des Gouverneurs den Vorschlag machte, mit ihm auf die Jagd zu gehen, den **ich** auch herzlich gern annahm. **Mein** Freund war ein großer starker Mann und an die Hitze jenes Klimas gewöhnt; **ich** aber wurde in kurzer Zeit und bei ganz mäßiger Bewegung so matt, dass **ich**, als **wir** in den Wald gekommen waren, weit hinter ihm zurückblieb (G. A. Burger. Münchhausens Reisen und Abenteuer. S. 55).*

Приведенные примеры иллюстрируют общие и специфические языковые признаки каждой повествовательной ситуации. Так, общими признаками, которые характеризуют объект повествования в обоих примерах, является отнесённость событий к прошлому

---

¹ Как справедливо отмечает Ролан Барт, личная форма сводит повествование к hic et nunc речевого акта [1, с. 222].

² Классификацию Ich-Erzählung в зависимости от роли действующего лица, которое является одновременно повествователем, приводят Атарова и Лескиис: 1) повествователь — действующее лицо и может занимать в повествовании: центральное или периферийное место; 2) повествователь, не принимающий участия в действии, может быть очевидцем или ретранслятором событий, пересказывающим их с чужих слов [2].

(тогда), отмеченная повествовательным претеритом и лексическими обозначениями прошлого, обозначение места действия (там), а также, что очень важно, акциональная семантика предикатов, маркирующая субъектов действия — актантов: *kommen, zurückbleiben/leben, retten* и др. (в примерах эти предикаты выделены). Специфичность каждой из повествовательных ситуаций заключается в том, что безличная ситуация маркируется 3-м лицом, а личная — 1-м лицом местоимений и глаголов. Кроме того, повествование от 3-го и 1-го лица обнаруживает разную функциональную семантику. Форма 3-го лица усиливает эпичность текста и создает эффект самоценности событий и их независимости от акта повествования. В отличие от нее форма 1-го лица, несмотря на эпический претерит, относящий события к неопределенному периоду прошлого, связывает эти события с личностью нарратора и делает их более актуальными.

Функциональная семантика каждой из персональных форм повествования становится особенно наглядной, если сопоставить два фрагмента текста, которые в своей поверхностной структуре различаются только видом персональности. Пример для такого сопоставления дает начальный эпизод романа Кафки «Das Schloss» в безличной форме и тот же эпизод в личной форме из ранней редакции романа:

- (3) *Es war spätabends, als K. ankam. Das Dorf lag in tiefem Schnee. Vom Schlossberg war nichts zu sehen. Nebel und Finsternis umgaben ihn, auch nicht der schwächste Lichtschein deutete das große Schloss an. Lange stand K. auf der Holzbrücke, die von der Landstraße zum Dorf führte, und blickte in die scheinbare Leere empor. Dann ging er, ein Nachtlager suchen* (F. Kafka. Das Schloss. S. 521).
- (4) *Es war spätabends, als ich ankam. Das Dorf lag in tiefem Schnee. Vom Schlossberg war nichts zu sehen. Nebel und Finsternis umgaben ihn, auch nicht der schwächste Lichtschein deutete das große Schloss an. Lange stand ich auf der Holzbrücke, die von der Landstraße zum Dorf führte, und blickte in die scheinbare Leere empor. Dann ging ich, ein Nachtlager suchen* (цит. по: F. Stanzel [7, S. 21]).

В окончательной редакции Кафка предпочитает объективированный вариант от 3-го лица, излагающий события с позиций протагониста. Выбор безличной формы является одним из способов реализации повествовательной стратегии автора. Она на-

правлена на создание образа событий, в котором исключаются конкретные связи с актуальностью: временем, местом, даже персонажем, который не имеет ни имени, ни биографии. Такая повествовательная стратегия придаёт роману обобщённый характер притчи.

Что касается синтагматики текста, то обе персональные формы, оформляющие текстовые эпизоды, имеют те же грамматические и функционально-семантические значения, что и в макротексте. Однако их различают возможность комбинирования в одном макротексте, а также разные виды взаимодействия с субъектной перспективой повествования. Так, *Er-Erzählung* как более универсальный и «традиционный повествовательный модус» [3, с. 222] имеет сквозную персональность третьего лица, а в *Ich-Erzählung* обе персональные формы могут комбинироваться (когда нарратор рассказывает и о себе, и о другом).

Что касается взаимодействия личной и безличной ситуаций с перспективой повествования, которая в обеих персональных формах представлена чередованием разных точек зрения (пространственной, временной, аксиологической, когнитивной), то этот вопрос требует особого рассмотрения и не относится к задачам данной статьи.

Следующий подвид дискурсивной ситуации представлен *метанарративной ситуацией*, референтом которой является акт коммуникации повествователя и читателя. Она тематизирует само событие повествования или его восприятия. Х. Вайнрих называет её *миром обсуждения* (*besprochene Welt*), в отличие от *повествоваемого мира* (*erzählte Welt*) [8]. Она манифестируется в тексте метанарративными структурами, называемыми также метатекстом. Метанаррация имеет место как в личном, так и в безличном повествовании. Более того, по данным Атаровой и Лескис, только 2 % исследуемых ими повествований от 3-го лица показали отсутствие метанаррации [2, с. 33].

Метакоммуникативные элементы, тематизирующие акт речи, типичны не только для художественного повествования и даже не только для повествования, а являются общеречевой категорией лингвистики текста. Они связывают отдельные элементы текста, делают ссылки на пре- или посттекст, обозначают интенции автора, развивающего свою мысль, а также выполняют другие текстовые функции. Маркеры метатекста — это личные местоимения

1-го и 2-го лица, обозначения автора и читателя³, темпоральность, связанная с моментом речи: презенс, перфект и футурум, а также семантика предикатов, обозначающих речевой акт. Ниже приводится пример метанарративного парантеза, который выполняет функцию связки, актуализирующей повтор *es war ihm*, и вместе с тем выделяет сообщение как факт рассказывания:

- (5) *Es war ihm — wenn er hier ihre Röcke aufs Bette legte, um sich setzen zu können, <...> es war ihm, **sag ich**, als wenn er ihr mit jedem Augenblicke näher würde...* (J. W. Goethe. Wilhelm Meisters Lehrjahre. S. 47).

В отличие от прагматических дискурсов, особенностью художественного повествования — будь то личное или безличное — является многообразная языковая манифестация метанарративной ситуации, а также возможность её распространённого описания, включающая даже беседу с воображаемым читателем:

- (6) *Mit Recht darf ich zweifeln, dass du, **günstiger Leser**, jemals in einer gläsernen Flasche verschlossen gewesen sein sollst, es sei denn, dass ein lebendiger neckhafter Traum dich einmal mit solchem feerischen Unwesen befangen hätte* (E. T. A. Hoffmann. Der goldene Topf. S. 127).

Функции метанарративных элементов — не только те же, что и в прагматических текстах, но и чисто художественные. Особенно ярко приём игры с фиктивной ситуацией повествования, вызывающий эффект остранения, проявляется в так называемом ироническом повествовании, которое актуализирует факт опосредованности, повествуемости истории. Такой приём иронического остранения иллюстрирует пример из романа Бёлля «Gruppenbild mit Dame»:

- (7) *...sie (Leni) trägt ihr dichtes blondes Haar, **wie auf Seite 7 beschrieben*** (H. Böll. Gruppenbild mit Dame. S. 9).

Ещё один вид дискурсивной ситуации реализуются внесюжетными элементами, которые обычно называют авторскими отступлениями, парантезами или вводными текстовыми единствами. Их вводный характер объясняется тем, что они тематически не

---

³ Маркерами личной ситуации являются также обозначение субъекта речи первым лицом мн. числа (*wir*), как, например, в рассказе Кафки “*Josefine, die Sängerin oder Das Volk der Mäuse*” или существительными *Autor*, *Verfasser*, как в романе Бёлля “*Gruppenbild mit Dame*”.

принадлежат истории, а передают рассуждения и наблюдения нарратора, которые связаны с историей лишь ассоциативно. Они отсылают к повествователю и ситуации повествования и относятся к узко понимаемым вненарративным (внесюжетным) элементам. Поэтому ситуация дискурсии, которую они манифестируют, может быть названа *экстранарративной*. Если в метанарративной ситуации нарратор комментирует сам акт повествования, то в экстранарративной ситуации он выступает комментатором повествуемых событий, например, обобщая или конкретизируя их в своих размышлениях. Связь экстранарративного элемента с нарративным устанавливается на основании разнообразных ассоциаций, например, от частного к общему, от общего к частному, связь по аналогии, связь по контрасту [5, с. 65-71]. Иллюстрировать связь экстранарративного и нарративного элементов текста по аналогии может эпизод из романа Гёте «Wahlverwandschaften», в котором персонажи планируют строительство беседки, и комментирующий его экстранарративный парантез:

- (8) *Es ist mit den Geschäften wie mit dem Tanze: Personen, die gleichen Schritt halten, müssen sich unentbehrlich werden; ein wechselseitiges Wohlwollen muß notwendig daraus entspringen <...>* (J. W. Goethe. Wahlverwandschaften. S. 47–48).

Об экстранарративной ситуации сигнализирует здесь не только характер связи с контекстом, отмеченный развёрнутым сравнением, но и переключение из претерита в другую темпоральность — генеральный презенс. Но несмотря на его семантическую и грамматическую выделенность внутри событийного контекста, экстранарративный парантез обладает лишь относительной автосемантической, поскольку он выполняет проспективную функцию в тексте, в обобщённой форме формулируя намёк на дальнейшее развитие событий.

Так же как и метанарративные элементы текста, экстранарративные парантезы выполняют разнообразные функции в развитии сюжета, определяют нарративную стратегию и в широком смысле относятся к нарративным тактикам порождения текста. Хотя экстранарративная ситуация обладает специфическими характеристиками (относительная автосемантия, ассоциативная связь с контекстом, комментирующая функциональность, возможная грамматическая актуализация), благодаря которым она зани-

мает отдельное место в ряду дискурсивных ситуаций нарративного текста, тем не менее она может совмещаться с личной, безличной и метанарративной ситуациями.

В отличие от метанарративной ситуации, экстранарративная дискурсия не относится к универсальным текстовым категориям, встречаясь только в так называемых мягких текстах (художественных, публицистических, устном фактуальном повествовании), а в жёстких избегается как препятствующая логической строгости и избыточная.

При реализации нарративной стратегии в художественных текстах экстранарративная дискурсия проявляет разную степень релевантности, а также обнаруживает большое тематическое и функциональное разнообразие. Эти обстоятельства позволяют относить экстранарративную ситуацию к важным стилеобразующим элементам художественного повествования.

Итак, к дискурсии (событию рассказа) наряду с личной и безличной ситуациями повествования, которые доминируют в макротексте, относятся также микроситуации: личная безличная, метанарративная и экстранарративная. Чередование повествовательных ситуаций и их разнообразие управляются нарративной стратегией автора, которая ответственна за тематическую и логическую организацию текста, с одной стороны, и его художественное воплощение, с другой.

Источники иллюстративного материала

Böll, H. Gruppenbild mit Dame. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 1981.

Brger, G. A. Münchhausens Reisen und Abenteuer. Moskau: Verlag Progress, 1979.

Goethe, J. W. Goethes Werke in sechs Bänden. Vierter Band. Leipzig: Insel-Verlag, 1910.

Hoffmann, E. T. A. Der goldene Topf. In: Bibliothek deutscher Klassiker. Hoffmanns Werke in drei Bänden. Erster Bd. Berlin u. Weimar: Aufbau-Verlag, 1979. S. 57–144.

Kafka, F. Das Schloß // Franz Kafka. Die erzählerische Welt. II Bd. 2. Aufl. Berlin: Rütten & Loening, 1988.

Kleist, H. Die Verlobung in St. Domingo // Bibliothek deutscher Klassiker. Hoffmanns Werke in drei Bänden. Bd. I. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1979. S. 189–228.

Литература

1. Атарова, К. Н., Лескис, Г. А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 37, № 4. 1976. С. 343–354.
2. Атарова, К. Н.; Лескис, Г. А. Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 39, № 1. 1980. С. 33–45.
3. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000.
4. Гончарова, Е. А. Категории АВТОР — ПЕРСОНАЖ и их лингвистическое выражение в структуре художественного текста: автореф. дис... д-р филол. наук. Л., 1989.
5. Новожилова, К. Р. Вводные текстовые единства, или авторские отступления, и их функционирование в художественном тексте // Смысловые и прагматические характеристики текста и его единиц. Иваново: Ивановск. гос. ун-т, 1989. С. 65–71.
6. Тюна, В. И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. Вып. 5, 2002. С. 5–31.
7. Stanzel, F. Begegnungen mit Erlebter Rede // Erlebte Rede und impressionistischer Stil. Europäische Erzählprosa im Vergleich mit ihren deutschen Übersetzungen / Hrsg. v. D. von Kullmann. Göttingen: Wallenstein Verlag, 1995.
8. Weinrich H. Tempus. Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart: Verlag C. H. Beck, 2001.

References

1. Atarova, K. N., Lesskis, G. A. Semantika i struktura povestvovanja ot perogo litsa v hudozhestvennoi proze [Semantic and structure of the first-person narrative in fiction]. *Izvestia AN SSSR. Seria literatury i iazyka* [News of USSR Academy of Science. Serie of literature and language], 1976, vol. 37, no. 4, pp. 343–354. (In Russian)
2. Atarova, K. N., Lesskis, G. A. Semantika i struktura povestvovanja ot tret'ego litsa v hudozhestvennoi proze [Semantic and structure of the third-person narrative in fiction]. *Izvestiya AN SSSR. Seria literatury i iazyka* [News of USSR Academy of Science. Serie of literature and language], 1980, vol. 39, no. 1, pp. 33–45. (In Russian)
3. Bart, R. Vvedenie v strukturnyi analiz povestvovatel'nyh tekstov [Introduction to the structural analysis of narrative texts]. *Frantsuzskaia semiotika. Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French semiotic. From structuralism to post-structuralism]. Moscow, Progress Publ., 2000. (In Russian)

4. Goncharova, E. A. *Kategorii AVTOR — PERSONAZH i ih lingvisticheskoe vyrazhenie v strukture hudozhestvennogo teksta*. Autorefer. diss. dokt. filol. nauk [*Autor — Character categories and their linguistic expression in the structure of a literary text*. Thesis of Dr. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1989. (In Russian)

5. Novozhilova, K. R. Vvodnye tekstovye edinstva, ili avtorskie otstupleniya, i ih funkcionirovanie v hudozhestvennom tekste [Introduction texts of unity or authors deviations and their functioning in a literary text]. *Smyslovye i pragmaticheskie harakteristiki teksta i ego edini* [*Semantic and pragmatic characteristics of the texts and its units*]. Ivanovo, Ivanovskii gos. universitet, 1989, pp.65–71. (In Russian)

6. Тупа, В.И. Очерк современной нарратологии [Esseys of modern narratology]. *Kritika i semiotika* [*Criticism and semiotics*], 2002, issue 5, pp. 5–31. (In Russian)

7. Stanzel, F. Begegnungen mit Erlebter Rede. *Erlebte Rede und impressionistischer Stil. Europäische Erzählprosa im Vergleich mit ihren deutschen Übersetzungen*. Hrsg. v. D. von Kullmann. Göttingen, Wallenstein Verlag, 1995.

8. Weinrich, H. *Tempus. Besprochene und erzählte Welt*. Stuttgart, Verlag C. H. Beck, ,2001.

Новожилова Ксения Ростиславовна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук,
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Xenia R. Novozhilova

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034. Russian Federation

E-Mail: novozhilova@spbu.ru